

основании лингвистического исследования автор приходит к выводу, что эта ономастическая система возникла в городе Фалерии и отсюда была перенесена в другие города к другим народам средней Италии.

В заключение следует сказать, что авторы статей сборника, ведущие лингвисты, дали пример того, как тщательное исследование латинского материала с привлечением сравнительных данных других индоевропейских языков может привести к новой интереснейшей интерпретации различных, порой загадочных явлений языка и тем служить прогрессу современной лингвистики и филологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bednarczuk L.* The Italo-Celtic hypothesis from the Indo-European point of view // *Proceedings of the first North American Congress of Celtic studies* / Ed. by MacLennan G.W. Ottawa, 1986.
2. *Monteil P.* Éléments de phonétique et de morphologie du latin. P., 1970. P. 327–328.
3. *Leumann M.* Lateinisches Laut-und Formenlehre. München, 1977. S. 608.
4. *Safarewicz J.* Historische lateinische Grammatik. Halle, 1969. S. 233.
5. *Bader F.* Flexions d'aoristes sigmatiques // *Étrennes de septantaine. Travaux de linguistique et de grammaire comparée offerts à Michel Lejeune*. P., 1978.

Б.Б. Ходорковская

Haspelmath M. A grammar of Lezgian. B.; N.Y.: Mouton-de Gruyter, 1993. XX + 567 p.

Лезгинский язык нельзя отнести к числу малоизученных; прежде всего это один из немногих литературных языков Дагестана, и в силу своего статуса он, по крайней мере минимальным образом, "лингвистически обслужен" (тексты, словари, учебные пособия и т.п.); этот язык был объектом немалого числа монографических описаний, начиная еще от грамматики П.К. Услара (1896) и включая очерки Л.И. Жиркова (1941), Б.Б. Талибова и М.М. Гаджиева (1966), У.А. Мейлановой (1967) и др. Материал лезгинского языка в разные годы использовался многими кавказоведами, типологами и теоретиками, от Н.С. Трубецкого до Л. Ельмслева; в совсем недавнее время лезгинские данные сыграли особую роль в обсуждении проблем эргативности (кстати, с участием автора данной книги: см. прежде всего [1–2]; ср. также [3]). Вместе с тем, конечно, и этот язык еще ждет своего исчерпывающего описания: существующие публикации лишь облегчают путь к составлению такого описания, но отнюдь не заменяют его.

Общезвестно, насколько болезненной является в лингвистике проблема создания хороших описательных грамматик: удачи в

этой области можно буквально пересчитать по пальцам. Однако книга М. Хаспельматта, похоже, может претендовать на то, чтобы считаться счастливым исключением в этом трудном, неблагодарном жанре.

Ключевое слово для характеристики этой книги – основательность. Автор спокойно, неторопливо, на протяжении пятисот с лишним страниц ведет читателя лабиринтами структуры лезгинского языка (кто занимался языками Дагестана, знает, что "лабиринты" – это отнюдь не метафора), ничего не забывая и, хочется сказать, не теряя хладнокровия. При этом изложение организовано таким образом, что интересы читателя оказываются соблюдены в максимальной степени. Прежде всего, книга полностью свободна от теоретической "аггажированности" – ни в терминологии, ни в общей концепции изложение не связано с какой-либо одной "школой" и равно доступно любому грамотному профессионалу. Вместе с тем, автора нельзя и упрекнуть в эклектичности: немногие базовые термины отобраны весьма тщательно, и чувствуется, что автор обладает продуманной лингвистической концепцией, которую лишь из уважения к жанру оставляет за рамками изло-

жения. Впрочем, при обсуждении таких тем, как, например, определение подлежащего или лабилных глаголов, наряду с описательной частью присутствуют краткие, но содержательные теоретические рассуждения (подробнее см. ниже).

Другим достоинством книги является полнота и самодостаточность представленных данных: изложение не только охватывает фонологию, морфологию и синтаксис лезгинского языка, но, кроме того, в книге приводится список всех лезгинских аффиксов, а также краткий лезгинско-английский (ок. 1,5 тыс. лексем) и англо-лезгинский словарь, причем в лезгинско-английской части все лексемы снабжены необходимой фонологической, морфологической, синтаксической и этимологической (займствования) информацией: так, для существительных отмечаются основы эргатива и (в случае необходимости) множественного числа, для глаголов – падежная рамка, формы аориста и императива, и т.п. Даже если бы автор ограничился только этим, книга уже приобрела бы бесспорную ценность в глазах кавказоведов. Крайне полезным представляется также включение в книгу корпуса из шести текстов, отражающих весьма широкий спектр возможностей лезгинского литературного языка: от поэзии Етима Эмина XIX в. (приводится одно из наиболее известных его стихотворений, "Соловей", написанное в традиции восточных газелей) до заметки 1990 г. из газеты "Коммунист" (еще!) об учредительном съезде общелезгинского национального движения "Садвал" (уже!)... Все тексты (среди них – рассказ, научная проза, отрывок из театральной пьесы) даны в лезгинской стандартной орфографии, латинской транслитерации с морфемным членением и поморфемным переводом и в английском переводе; приводятся также по одному образцу арабской и латинской графики: здесь в очень сжатом виде – целый век истории лезгинского народа и лезгинской культуры.

Наконец, следует обратить внимание на то, что все без исключения примеры в книге не только даны в поморфемном переводе (это все-таки уже стало нормой для работ по типологии), но и снабжены системой перекрестных отсылок, в книге более тысячи примеров, и с помощью специального указателя читатель может значительно расширить число иллюстраций интересующего его явления; примеры из текстов также включены в указатель. Выгодным

отличием книги М. Хаспельмата от большинства типологических работ является также то, что практически все примеры взяты из реальных текстов на литературном лезгинском языке (разумеется, в каждом случае даны соответствующие отсылки); это существенно повышает ценность корпуса примеров и, кроме того, в очередной раз заставляет оценить объем и основательность подготовительной работы автора.

Все сказанное характеризует, прежде всего, культуру обращения с материалом, которая в данной работе является чрезвычайно высокой, в некотором смысле – образцовой. Перейдем теперь к краткому обзору структуры книги как таковой, отмечая наиболее интересные с типологической точки зрения и/или наиболее спорные фрагменты.

Книга состоит из четырех больших разделов: "Вводные замечания", "Фонология", "Морфология", "Синтаксис" и их Приложений, в которые входят тексты и словари (см. выше). В первом разделе приводятся сведения о генетической принадлежности лезгинского языка, его диалектном членении, языковых контактах, краткой истории народа; здесь же дается информация о структуре и оформлении работы. Очень полезным представляется включенный в этот раздел "Обзор лезгинской грамматики", суммирующий в сжатом виде все типологически интересные черты этого языка. Единственное, чего, может быть, не хватает в данном разделе – это хотя бы кратких сведений об истории его изучения и наиболее важных публикациях; Впрочем, их отчасти заменяет очень подробная библиография и разбросанные по всему тексту ссылки на соответствующие издания.

В фонологическом разделе описывается инвентарь гласных и согласных фонем, фонотактика (структура слога, сингармонизм и т.п.), морфонологические чередования, ударение, а также правила транслитерации и орфографии. Вокалическая система, при ее внешней простоте, весьма своеобразна: в частности, обращает на себя внимание отсутствие фонемы /o/ при наличии фонем /i/, /u/, /e/, /æ/ и /a/. Другой характерной особенностью современного лезгинского языка является выпадение некоторых гласных в безударных слогах – процесс, не полностью заверченный и в настоящее время и существенным образом отражающийся в лезгинском словоизменении.

В работе принята транслитерация современной лезгинской орфографии (на русской основе), что продиктовано понятными практическими соображениями, но часто оставляет ощущение неудовлетворенности, поскольку тем самым на письмо не обозначается ударение и не отражается фонологическое различие между неаспирированными и аспирированными смычными,

ср. *čil* "земля" ~ *čil* "сеть", орфографически оба (после 1962 г.) записываются как *чил*. Конечно, сведения об ударении и произношении имеются в словаре, но, может быть, эту информацию целесообразно было бы отражать и в примерах; ударение при этом можно было бы обозначать только в тех сравнительно немногочисленных случаях, когда оно отклоняется от стандартной позиции второго от начала слога: *gila* "теперь", *ina* "здесь", *ištirdk* "участие" и т.п. (как это принято, например, в современной испанской орфографии). Эти небольшие усовершенствования значительно облегчили бы восприятие примеров.

Морфологический раздел состоит из семи глав, посвященных, соответственно, существительным, прилагательным, глагольному словоизменению, глагольному словообразованию, местоимениям, наречиям и послесловам и, наконец, числительным и "частицам". В главах, посвященных именной и глагольной морфологии, описываются сначала формальные правила распределения соответствующих показателей, а затем — их "функции", т.е. значения грамматических категорий. У существительных это категории числа и падежа/локализации, у глаголов — категории вида, времени и наклонения; подробно рассматриваются также неличные глагольные формы — масдар, причастия, инфинитив, деепричастия. Дополнительно характеризуются четыре архаичные (диалектные?) глагольные формы, имеющиеся в грамматике Услара, но (практически) не употребляющиеся в современном литературном языке. При характеристике словообразовательных морфем формальная и семантическая информация приводится одновременно (наиболее подробно описано образование каузативов и репетитивов у глаголов). В целом же лезгинская словообразовательная система характеризуется как сравнительно бедная; словообразовательные функции часто передаются синтаксическими средствами, прежде всего так называемыми перифрастическими глаго-

лами (может быть, в соответствующем разделе грамматики полезно было бы отметить возможность персидского влияния на лезгинский или, по крайней мере, значительную типологическую близость этих языков в данном аспекте).

Конечно, не может не бросаться в глаза контраст между объемными и тщательно выстроенными "формальными" частями морфологического раздела и лапидарными "функциональными" частями. Претензии к автору не следует: he did his best, просто здесь отражается тот объективный факт, что современная лингвистика, обладая достаточно развитым метаязыком для описания формальных морфологических и синтаксических механизмов, практически не обладает метаязыком для описания грамматической семантики. И все же, позволим себе несколько замечаний. В разделе о функциях субстантивного числа основное внимание уделяется принципиальной возможности/невозможности образования формы множественного числа для тех или иных групп лексем; между тем, типологически закономерно ожидать, что в лезгинском языке будут действовать иные, чем например, в индоевропейских языках правила употребления показателя множественного числа даже у тех существительных, которые в принципе свободно образуют плюральные словоформы. В тюркских и иранских языках данного ареала, например, выбор показателя числа чувствителен к референтному/нереферентному статусу имени, а лезгинский язык не только является агглютинативным, но и находится под сильным тюркским влиянием (автор отмечает это в фонологическом разделе), что повышает вероятность подобных явлений.

В разделе о глагольных категориях наиболее существенная трактовка базовых противопоставлений: автором выделяются четыре таких значения, которые он называет имперфективом, или прогрессивом (впрочем, термин "дуратив" здесь кажется более уместным), перфектом, аористом и футурумом; имеется также дополнительно противопоставленный им всем континуатив. Кроме того, выделяется категория времени, имеющая значения прошедшего (показатель *-j*) и не прошедшего (нулевой показатель); показатель прошедшего времени сочетается со всеми четырьмя перечисленными выше граммемами.

Основная проблема при такой трактовке состоит, с нашей точки зрения, в характеристике лезгинского "футурума": каким

образом среди членов видовой парадигмы оказывается эта, казалось бы, чисто временная граммема? Между тем, факты допускают и иную интерпретацию. Особенность лезгинского футурума (его основной показатель *-da*) состоит в том, что он выражает не только значение будущего, но и习惯性ное значение, а также (особенно в комбинации с показателями прошедшего времени) значение предположения (автор сравнивает последнее с "будущим в прошедшем") романских языков, типа франц. *aura être*). Автор предлагает диахроническое объяснение этому совмещению функций (прежде форма на *-da* выражала весь спектр презентно-футуральных значений, а теперь часть их передана другим категориям), оставляя открытым вопрос о его синхронной интерпретации. Между тем, описываемая система приобрела бы большую стройность и логичность, если бы форма на *-da* была признана не временем, а особым видом – потенциалом. Это позволило бы легче объяснить целый ряд ее "модализованных" употреблений (в сценических ремарках, в пословицах и т.п.), и прежде всего – гипотетические употребления, возникающие в сочетании с показателем прошедшего времени; иначе же приходится постулировать морфологический нонсенс "показатель будущего + показатель прошедшего": ситуация не невозможная, но, вообще говоря, теоретически весьма неприятная. Наконец, "видовое" решение типологически естественно для дагестанского ареала, где "чистое" будущее представлено в очень слабой степени и, напротив, широко распространено именно "модализованное" будущее (из языков лезгинской группы очень характерны в этом плане арчинский и табасаранский). К сожалению, для окончательных выводов в грамматике слишком мало материала.

Наряду с тщательным описанием "традиционных" частей речи, автор счел возможным посвятить около 10 страниц "частицам" лезгинского языка; это можно только приветствовать, и не вина автора, что этот раздел один из самых эскизных и вызывает больше вопросов, чем дает ответов. Прежде всего, неясны сами критерии выделения этого класса: если это морфологическая неизменяемость, то чем "частицы" отличаются от наречий? Если это семантические особенности, то какие? Так например, неясно, чем "частица" *мад* "еще; опять; больше (не)" отличается от бесспор-

ных наречий типа *фад* "рано" или *артух* "больше"; более того, лексема *гъеле* "уже; еще" названа "частицей" в гл. 13 (с. 239 и сл.), но рассматривается и среди "наречий" в гл. 12 (с. 210 и сл.). Описание семантики частиц, конечно является отдельной и очень сложной задачей, и данные грамматики М. Хаспельмата могут рассматриваться только как предварительный и очень фрагментарный набросок (в особенности, когда автор пользуется приемами типа: "функции частицы *мад* очень похожи на функции немецкой частицы *nach*..."). Любопытно, что даже тексты из Приложения дают примеры употребления частиц, не отраженные в грамматике: так, для слова *мад* "еще" на с. 459 находим: *Вучиз Варис кIвализ фена? Мад кIтари дили жед...* "Зачем Варис пошел в дом? Старуха еще (= "чего доброго") с ума сойдет..." Возможно, такое употребление возникло под русским влиянием (частицы вообще один из наиболее чувствительных к языковым контактам слой лексик), но, как бы то ни было, оно существует и довольно резко выбивается из "темпорально-квантитативной" сферы употреблений слова *мад*.

Синтаксический раздел – один из наиболее полных и наиболее впечатляющих в книге. Здесь, по-видимому, описание М. Хаспельмата близко к исчерпывающему. Его образуют 11 глав, касающихся как синтаксиса словосочетаний, так и синтаксиса предложения, как монопредикатных, так и полипредикатных конструкций, а также синтаксиса вопросительных и сравнительных конструкций. Хотелось бы специально отметить главы, посвященные способам выражения глагольных валентностей (гл. 15) и общим вопросам синтаксиса предложения (гл. 16). В этих главах не только приводится полный список существующих в лезгинском языке надежных рамок (с делением на стандартные – т.е. содержащие актант в абсолютиве – и нестандартные, например, *эргатив + локатив*), но и рассматриваются вызвавшие много дискуссий в лингвистической литературе проблемы лабильных глаголов и определения подлежащего в лезгинском языке. Показано, что, хотя лезгинский язык и принадлежит к числу ярко выраженных "role-dominated languages", тем не менее известный тест Э. Кинена дает возможность выделить небольшое количество субъективных свойств у агенса в эргативе и экспериенцера в дативе (наряду с единственным

актантом одноместного глагола в абсолютиве): это прежде всего кореферентное опущение актанта при вставленном предикате и выбор инфинитивного/деепричастного оформления предиката, подчиненного глаголу *клан* - 'хотеть'. Автор отвергает аргументы И.А. Мельчука в пользу субъектной трактовки абсолютива во всех случаях, указывая, что его концепция основана на неоправданной генерализации свойств лабильных глаголов, которых в лезгинском языке в действительности не больше десятка; предлагается ряд тестов, различающих конструкции с лабильными глаголами и (внешне идентичные им) конструкции с опущением агенса: это прежде всего семантическое поведение глаголов в отрицательной и в императивной конструкциях, а также в конструкции "ненамеренного действия", где агенс кодируется аделативом: такая конструкция невозможна у переходных нелабильных глаголов¹. Доводы автора представляются убедительными (подробнее см. также [2]).

Итак, оценивая книгу в целом, можно сказать, что перед нами бесспорная удача —

¹ Приводимое автором сравнение этой конструкции с нидерландским *dativus incommodi* представляется не совсем корректным: если в дагестанских языках семантическим ядром конструкции является именно и только **ненамеренность** действия, то в "дательных" конструкциях семантическим ядром является **затронутость** лица в дативе соответствующим действием, по отношению к которому он вовсе не обязательно

описательная грамматика, понятная лингвисту любого направления, достаточно полная, эксплицитная, тщательная и вполне заслуживающая того, чтобы считаться современным образцом этого жанра. Не только кавказоведам, но и типологам это описание принесет большую пользу².

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mel'čuk I.A. Is there an ergative construction in Lezgian? // Mel'čuk I.A. Dependency syntax: Theory and practice. Albany: Univ. of N.Y., 1988. P. 207–249.
2. Haspelmath M. On the question of deep ergativity: the evidence from Lezgian // *Papier zur Linguistik*, 1991. 44/45. 1/2, P. 5–27.
3. Кибрик А.Е. Типология эргативности // Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992. С. 179–260.

является агенсом и вообще участником: предложение *Passer mortuus est Lesbiae* "у Лесбии умер воробей" не означает (в общем случае), что Лесбия — причина смерти воробья, пусть даже невольная.

² Последняя "ложка дегтя" рецензента: в книге издательства "Mouton", слышущего одним из лучших в Европе, хотелось бы видеть меньше опечаток; к наиболее досадным относится, например, пропуск фонемы /i:/ в таблице, посвященной правилам транслитерации лезгинских фонем (с. 28).

В.А. Паунгян

Sprachlicher Substandard I / Hrsg. von Holtus G., Radtke E. Niemeyer. Tübingen, 1986, 229 S.
Sprachlicher Substandard II (Standard und Substandard in der Sprachgeschichte und in der Grammatik). Niemeyer. Tübingen 1989, 246 S.; **Sprachlicher Substandard III** (Standard, Substandard und Varietätenlinguistik). Niemeyer. Tübingen, 1990, 278 S.

Впервые в мировой лингвистике языковой субстандарт, его лингвистическое описание, терминологическое понимание и исследование в отдельных этноязыках представлено суммарно в трех сборниках, выпущенных в Германии в 1986–1990 гг. Составители этих сборников — романисты Г. Холтус и Э. Радтке, посвятившие исследование субстандарта в романских языках многочисленные статьи и монографии, привлекли к рецензируемой публикации коллег разных лингвистических дисциплин. Благодаря такому широкому диапазону научных

исследований, посвященных субстандарту в различных этноязыках, лингвисты получили возможность познакомиться с его изучением в смежных дисциплинах и сравнить результаты, достигнутые коллегами по аналогичным проблемам.

В первом томе рецензируемого трехтомника помещены в основном общетеоретические статьи, авторы которых пытаются ответить на "установочные" вопросы: что такое субстандарт, каково его отношение к стандарту, где границы между ними, в чем региональная и национальная специфика